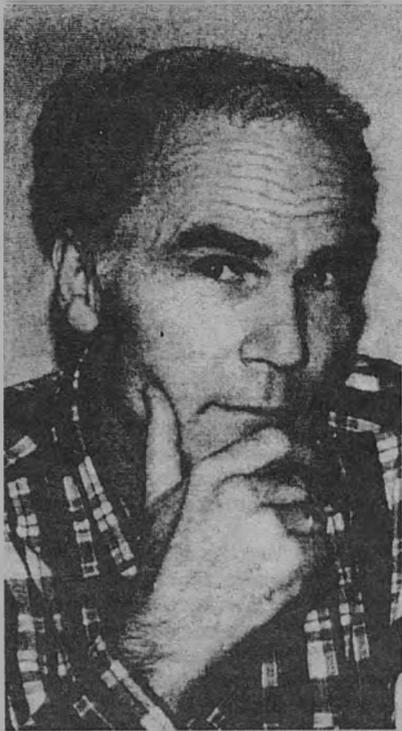

«Я видел воскресение в аду...»

Памяти Евгения Аргышева (1933-1992)

Виртуоз — от слова *virtu*, добродетель. Это значит, что певец-виртуоз — это прежде всего редкостный труженик, настолько занятый своим делом, что у него просто не остается времени на грех.

Е. Аргышев

Прошло уже пять лет, как нет Евгения Викторовича Аргышева, моего учителя. За эти годы не было дня, чтобы я не думала о нем.

Мы были знакомы меньше года. Господь так устроил, что мы могли встретиться и в 1983 году, и в 1984-м, и в любом другом — но встретились только в последние месяцы жизни Евгения Викторовича в марте 1992 года. А не стало его в декабре. Но ведь не количеством лет измеряется ученичество. Старое правило: умирая, мастер передает секрет ученику. Мне посчастливилось стать этим учеником. Хотя в чем именно секрет заключается, до сих пор не могу сформулировать, ибо вокальные уроки вмещали в себя пение, слушание записей, стихи, разговоры, прогулки в Филевском парке, рассматривание альбомов живописи, рассказы об интересных и дорогих людях...

Знаки присутствия в жизни человека, которого нет на свете, — очевидны. Это знает всякий, кто когда-либо спрашивал в пустоту: "Господи, ну почему он умер?" После того, как моего учителя уже не стало, я перебирала его ноты. И вдруг откуда-то прямо в руки упал листок. На нем была рукой Евгения Викторовича нарисована церквушка с голубыми куполами, а сбоку написано карандашом: "Do not cry for me". И как после этого не ждать жизни будущего века, когда все мы встретимся?

Кроме того, многое из того, что было мне рассказано, было дано как бы "на вырост". Сохранилась магнитофонная запись одного из наших уроков. Мы репетировали одну из лютовых песен Джона Доуленда. Евгений Викторович: "Мне бы хотелось от тебя вот этого (поет). Ты поняла что-нибудь из того, что я показал?" Кажется, я ответила утвердительно. Но понимать начинаю на самом деле только теперь. Сколько раз жалела, что не записывала ничего из уроков.

Евгений Викторович был настоящим певцом. Вся его жизнь была связана с открытием старинной музыки в России. С 1972 года и до самой кончины Аргышев был солистом ансамбля "Мадригал". Двадцать лет. Практически все программы "Мадригала" были аннотированы Аргышевым. А спектр таков: древнерусская музыка, Европа — средневековье, Ренессанс, барокко, музыка Англии, Италии, Франции, Германии, Испании. Это была огромная, постоянная и вдохновенная исследовательская работа,

подкрепленная знанием нескольких языков и затрудненная отсутствием в России многих необходимых источников.

Когда я пришла учиться к Евгению Викторовичу, просто дух захватило от того, насколько огромен и притягателен мир старой музыки. Я тогда училась на первом курсе историко-теоретического факультета консерватории. И однажды почти в шутку сказала: "Хочу петь — и больше ничего мне не надо. Ни теории, ни истории, ни композиции". Реакция моего учителя была мгновенной: "Еще одно такое высказывание — и это будет наш последний урок. Ясно?" Вектор, заданный учителем, определил всю мою жизнь: пение непременно соединено с исследованием, а исследование — с пением.

Природный голос Аргышева — баритон. Но путем особых упражнений он научился петь контртенором. Движущей силой здесь была не жажда эксперимента, а любовь к исполняемой музыке и стремление воссоздать ее в подлинном звучании. Как представить себе, например, английскую музыку без контртенорового звучания, если этот голос необходим? На Западе в свое время первооткрывателем оказался английский контртенор Альфред Деллер. В России им стал Аргышев. К сожалению, осталось очень мало его сольных записей. В 1990 году на фирме "Мелодия" была записана первая и единственная его пластинка. Она не вышла до сих пор...

Счастье тех уроков было совершенно неправдоподобным. За открытым балконом слышалось пение стрижей, носившихся над деревьями. Мы много смеялись. "Евгений Викторович, ну перестаньте меня смешить, я же петь совсем не могу", — говорила я, едва выговаривая слова. "Ты что? Думаешь, я просто так тебя весело? Смех — это лучшее дыхательное упражнение. Ты ведь их все равно делать не будешь, ведь так?" А на пианино стояла керамическая статуэтка — смешная деревенская баба: юбка колоколом, прямая спина, широко открытый рот. "Видишь, как надо держать спину и рот открывать?" И эта керамическая баба стала моим наглядным учебным пособием. А сутулиться я перестала после замечания: "Певцу нельзя горбиться, потому что из кривого ружья нельзя стрелять". А когда мы пели один из дуэтов Томаса Морли, в тексте перечислялись цветы — фиалки, лилии и розы. "Понимаешь, в то время люди умели различать запахи цветов по-настоящему, не то что теперь. И потом, когда рядом смерть, чума, то любой цветок кажется чудом. Вот так и пой". Тогда мы не знали, что смерть рядом, что она уже слишком близко.

От Евгения Викторовича осталось множество стихотворений. Я хотела бы привести два из них.

***

Выходит, детство праздничный итог,
А не начало. Праздные качели
Значительней, чем свадебный пирог,
И важностью равны могильной ели.
И чем прозрачней на щеке пушок,
И чем дурман полынный холоднее,
Тем призрачней возвышенный порог
И тряске дом под чохом суховея.
Но если жизнь садовника — кураж,
В пыльце цветочной нос его желтеет.
Я належке. В корзинке мой багаж.
Там ножницы, бумага, склянка клея.

***

Земля мала для духа. Погляди,
Как нежен горизонт над ипподромом.
Его не заслонить пустым хоромом.
И только сердцу, кроткому в груди,
Мы говорим: владычеству, веди,
Гуди, как колокол,
сливаясь с небосклоном!

Остались еще стихотворные переводы с польского (Яструн, Галчинский). Не опубликовано ничего, кроме подборки переводов из Яструна. Одна из строк

Аргышева стала названием этой статьи и, думаю, отражает самую сердцевину его личности. Сохранилась большая папка его рисунков.

Евгений Викторович был тяжело болен. Я об этом не знала. А он о своей судьбе знал — и продолжал жить в полную силу.

В сентябре 1992 года Евгений Викторович оказался в больнице — в последней больнице. Врачи Института гематологии сделали все возможное. Спасибо им за каждое мгновение продленной жизни.

Прощание было долгим, иногда освещенным надеждой, а порой — падением в совершенную тьму отчаянья. Я поняла тогда, что смысл моей жизни — быть рядом с тем, кто мне так дорог. Все остальное потеряло ценность.

Уроки продолжались. И был даже один концерт — последний в жизни — в холле больничного отделения. Это была подлинная победа над угасанием и разрушением. Бывало так, что именно пение помогало победить боли без помощи препаратов. Уроки в больнице были невероятными и по наполненности, и по количеству выученных произведений. Для сравнения: за лето мы сделали четыре-пять произведений. За четыре месяца больницы — более сорока. Уроки продолжались и тогда, когда Евгений Викторович уже с трудом говорил: я понимала его мимику. Рядом с ним я не боялась смерти. Только бодела душа от приближающейся разлуки. Он сам как-то сказал, грустно глядя на меня: "Жаль расставаться".

Пение в больнице было знаком преодоления, преображения, просто чудом. Один из священников, навещавших Евгения Викторовича, сказал за день до его кончины: "Его душа — младенческая". Именно тогда я всей душой поняла: конечная точка крестного пути — это пасхальная радость. В день кончины Евгения Викторовича, 25 декабря, на улице было ясно. И практически не было слез (они появились потом). Была обжигающая боль, радость освобождения, ощущение тайны. Сам он, умирая, говорил: "Впереди нас ждет самое прекрасное, что существует!" Наверное, он прав. Только пусто без него на земле. И так хочется верить, что встретимся.

МАРИЯ БАТОВА

Москва